

Источник: Таганрогский вестник
Дата выпуска: 24.07.1993
Номер выпуска: 27
Заглавие: Чистая и нечистая силы
Автор: Г. Андрианов

Вы входите в комнатку с низеньким потолком и садитесь у такого же невысокого обеденного стола. Но не за него, а сбоку, на табуреточку. Их десять, в два ряда, больше не вмещается. Это для зрителей.

Они так же неслышно входят и тихонько усаживаются. Сегодня на то, что произойдет в этой комнатке, будут смотреть наши гости - приехавшие на I Международный театральный фестиваль на родине Чехова актеры «Театра драмы Сан Джеминиано» из итальянского города Модемы, вечером, в театре имени А. П. Чехова они покажут спектакль по роману Ф. М. Достоевского "Бесы". Будет овация, крики "браво!" невиданному вулкану, имя которому - "Страсти». А сейчас они, затаив дыхание, ждут...

Сто шесть лет рассказу "Ведьма", потрясшему тогда его читателей правдой. С дьячком Савелием Гыкиным и его молодой женой Раисой Ниловной. Вот он лежит на постели в соседней комнатке, так что видны его босые ноги из-под сшитого из разноцветных лоскутьев одеяла. Вот она - сидящая напротив нас, у окна, на табуретке и шьющая из грубого рядна мешки в жиденьком, словно робея и не веря в свои силы, свете жестяной лампочки па другом табурете.

Слушая жалобный плач ветра, гуляющего, как пьяный в поле, не давая снегу ложиться на землю.

И будто не стало ста шести лет между нами, и мы тоже слушаем плач ветра с неясной тревогой, неисповедимыми путями забравшейся в нас. "Что он Гекубе, что она ему? - спрашивал Гамлет, пораженный этой колдовской силой искусства. Что нам эти люди, состояние которых приковывает нас все больше с каждой минутой?"

В спектакле режиссера Бориса Горбачевского - пятьдесят минут, не больше, чем надо, чтобы прочитать рассказ Чехова "Ведьма". Силой режиссера и исполнителей ролей - Константина Кондратюка (Савелий Гыкин, который больше лежит на кровати, чем вскакивает с нее) и Валентины Псел (Раиса Ниловна), а потом и Василия Егельского (появившийся из метели почтальон) минуты эти растягиваются каким-то волшебством не на секунды - на всю их жизнь. Такую трагическую для двоих последних, да и для первого невеселой.

Она безысходна, и в этом трагизм. И для молодой жены дьячка, безмерно уставшей от уже маниакальной подозрительности мужа, считавшего в своем почти помутившемся от ревности мозгу, что это она, "чертиха", "ведьма", и метель эту и почту кружит", приманивает "бесов", обольщает их. И для самого Савелия, который чем далее, как раз сам-то и становится мучителем Раисы истинно нечистой силой, "окаянный говорит она, выходя из терпения. И даже для случайно попавшего в это спасительное тепло молодого почтальона, измученного метелью так, что он не верит в это тепло...

Играть каждую фразу рассказа, каждое слово его в столь необычных для людей, привыкших к простору театральной сцены, условиях, диктуемых не метрами даже, а сантиметрами игрового поля - значит так поверить режиссеру, чтобы беззаветно, с таким же вдохновением войти в эту комнатку, как на сцену. Им троим нет дела до того, сколько у них сейчас зрителей: они в театре, но особом, где видно и слышно все, вплоть до биения жилки на виске, дыхания. Если написано "произнося это слово в форме хриплого, прерывистого вздоха" - то так и надо это слово здесь говорить. Как на экране кино, где крупный план - высшее испытание для актера, как бы он ни был вышколен театральной сценой.

Тяжко видеть, как мучается от своего домашнего Мефистофеля - у негой профиль, и борода такая — прекрасной души женщина. Жалко молодого красавца - почтальона, который на наших глазах чуть отмерзает за эти короткие минуты не только физически, но и душевно. Со смешанными чувством смотришь, как мечется из постели к столу и обратно и па-

дает на измятую подушку, будто желая разбить голову и разорвать наконец этот спутавшийся узел жизни дьячок.

Уже неслышен за вьюгой почтовый колокольчик, а пытка продолжается. Будет ли у нее исход? Чеховский гений дает надежду на это рыданиями дьячихи и отчаянным ударом локтем в переносицу Гыкину.

... Давно не слышал столь долгих аплодисментов. Такой цены – ведь аплодировали актеры, которым лучше всех знать, какова она, чем достается. Отогретые душевно, просветленные, выходили мы тихонько из комнатки, слышавшей первый крик младенца, который потом получит имя самое дорогое нам, таганрожцам, счастье которых быть земляками Антона Павловича. И всем, кто верит в победу всех чистых сил над нечистыми на этой пострадавшей по всечеловеческому счастью земле.

ЦГТБ имени А. П. Чехова